

Научная статья

УДК 001.3, 172.3, 330.34

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-20-36

Кризис сциентизма

Петр Александрович Ореховский

*Институт экономики РАН
Москва, Россия*

orekhovskypa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

Владимир Ильич Разумов

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия*

razumovvi@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6904-9764>

Аннотация

В работе рассматривается «перепроизводство учёных» и связанный с этим кризис института науки. Поскольку сциентизм выступал в роли основной гражданской религии, дающей легитимность современным богатым государствам, вместе с утратой доверия общества к учёным возникает и кризис легитимности современных политических режимов. Утрата прежнего этоса научного сообщества не позволяет решить эту проблему простым увеличением финансирования. В отсутствие понимания закономерностей эволюции научного знания наукометрия способствует упадку науки. Институты религии не раз переживали упадок и последующее возрождение, для сциентизма такая ситуация складывается впервые. Последствия невозможно прогнозировать: учитывая уровень распространения высшего образования в богатых обществах, возможно как полное растворение науки в частном и государственном секторах, так и появление нового научного этоса среди сравнительно небольшой социальной группы «новых» учёных с перспективой последующего ренессанса сциентизма.

Ключевые слова

сциентизм, этос учёных, религия, политическая теология, традиционные ценности, наукометрия, эпистемологические противоречия

Для цитирования

Ореховский П. А., Разумов В. И. Кризис сциентизма // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 4. С. 20–36. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-20-36

© Ореховский П. А., Разумов В. И., 2025

The crisis of scientism

Petr A. Orekhovsky

*Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

orekhovskypa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

Vladimir I. Razumov

*Omsk State University
Omsk, Russian Federation*

razumovvi@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6904-9764>

Abstract

The paper examines the «overproduction of scientists» and the related crisis of the Institute of science. Since scientism acted as the main civic religion that gives legitimacy to modern rich states, along with the loss of public confidence in scientists, a crisis of legitimacy of modern political regimes arises. The loss of the former ethos of the scientific community does not allow solving this problem by simply increasing funding. In the absence of understanding the patterns of the evolution of scientific knowledge, scientometrics contributes to the decline of science. Religious institutions have experienced decline and subsequent revival more than once, and this is the first time this situation has developed for Scientism. The consequences cannot be predicted. Given the level of higher education in rich societies, it is possible that science will completely dissolve into the private and public sectors, as well as the emergence of a new scientific ethos among a relatively small social group of «new» scientists with the prospect of a subsequent renaissance of scientism.

Keywords

scientism, the ethos of scientists, religion, political theology, traditional values, scientometry, epistemological contradictions

For citation

Orekhovsky P.A., Razumov V.I. The Crisis of Scientism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 4, p. 20–36. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-4-20-36

Введение

Правительство в очередной раз пообещало увеличить расходы на науку и довести их к 2030 г. до 2 % от ВВП¹. Молодёжь зазывают в аспирантуру и на работу в отечественные НИИ, где количество «остепенённых» учёных сократилось за 10 лет на 20 %². В масс-медиа говорят о необходимости новых научно-технологических прорывов, транслируют торжественные процедуры вручения различных государственных научных премий и всячески подчёркивают респектабельность положения учёных. Тем временем на различных ток-шоу федерального уровня выступает примерно один и тот же пул экспертов, который состоит из депутатов, публичных персон и примерно десятка обладателей учёных степеней (по

¹ Дмитрий Чернышенко: Бюджет на науку будет приоритизирован под задачи, поставленные Президентом. Правительство России (28.07.2025). *Официальный сайт Правительства Российской Федерации*. URL: <http://government.ru/news/55775/> (дата обращения 12.01.2026).

² Майер А. С 2015 года число исследователей с ученой степенью сократилось на 20 % (08.09.2025). *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/09/08/1137417-chislo-issledovatelei-s-uchenoj-stepenyu-sokratilos> (дата обращения 12.01.2026).

большей части преподавателей столичных вузов). Эти «аналитические» передачи, по большей части не имеющие ничего общего с научной дискуссией, по-видимому, оказывают на российское общественное мнение гораздо большее влияние, нежели публикации маститых учёных в сфере социальных и гуманитарных наук.

Опыт западных коллег также оставляет противоречивое впечатление. С одной стороны, финансирование НИР в западных странах превышает российское в разы. Несмотря на резкий рост стоимости образования количество желающих получить диплом и степень PhD по-прежнему велико. Однако слышны и другие голоса. В 1999 г. Дж. Кац, профессор физики из Университета Вашингтон, опубликовал пост с названием «Не становитесь учёными!», указав на избыток образованного населения, желающего заняться наукой. Спустя 25 лет международной группой учёных были опубликованы результаты социологического исследования карьерного пути 45 тыс. так называемых «постдоков»³. Ситуация ухудшилась. «В среднем на одну открытую позицию в академической среде на рассмотрение поступают от десяти до пятидесяти резюме молодых ученых, полностью соответствующих критериям отбора и обладающих необходимой квалификацией. И это несмотря на то что работа постдокторантов характеризуется терминами “разочарование”, “постоянный стресс”, “несчастный” и “эксплуатируемый”»⁴.

Проблема усугубляется тем, что, несмотря на общепризнанное лидерство Запада в науке и технологиях, часть стран, которые было принято называть «развивающимися», продолжают быстро богатеть. Уровень развития инженерной и социальной инфраструктуры КНР, ОАЭ, Сингапура, Малайзии уже опережает западный. «Парадокс Кардуэлла», в котором утверждается, что опережение той или иной страны в науке и технологиях может продолжаться только в сравнительно коротком историческом периоде, после чего инновационная активность угасает, и лидеры сменяются, не попадает на телеэкраны и в ленты новостей, но активно обсуждается среди научного сообщества (см.: [Taylor, 2016]). Раздражение и недоумение у социологов и политологов вызывает и то, что во многих странах догоняющего развития стали всё больше говорить о «традиционных ценностях», в то время как на протяжении всего XX в. сам термин «традиционное общество» являлся синонимом архаики и социально-экономического застоя. И, напротив, модернизация представлялась как развитие секуляризма и торжество индивидуализма. Среди прочего, проект Р. Инглхарта был направлен как раз на количественное измерение процесса перехода от традиции и коллективизму к «новым ценностям Модерна» (см.: [Инглхарт, 2018; 2022]).

По нашему мнению, все эти противоречия связаны с неожиданным в XXI в. концом сциентизма – разрушением бессознательной веры современных людей в то, что с помощью науки можно решить все проблемы общества и природы. Такая убежденность критиковалась многими и уже давно (достаточно напомнить ироничную фразу И. Ильфа «В фантастических романах главное это было радио.

³ См.: Duan Yu., Memon Sh.A., AlShebli B. et al. Where Postdoctoral Journeys Lead (6 Nov 2024). *arXiv*. URL: <https://arxiv.org/abs/2411.03938> (дата обращения 12.01.2026).

⁴ «Не становитесь учеными!» – Что с перепроизводством научных кадров спустя четверть века после публикации манифеста? (22.12.2025). *Хабр. Habr Blockchain Publishing LTD*. URL: <https://habr.com/ru/articles/875730/> (дата обращения 12.01.2026).

При нём ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет»). Сциентизм был важнейшей частью гражданской религии богатых западных государств, основой легитимации либерально-демократического политического режима. Естественно, что в качестве такового вера в науку и образование не исчезает, но лишь слабеет, теряя позиции одна за другой.

Наша гипотеза заключается в том, что потеря учёными своего привилегированного статуса связана как с внешними причинами, основной из которых является переход к массовому высшему образованию и распространению гаджетов, дружелюбный интерфейс которых обеспечивает доступ к библиотекам и справочникам, обесценивая широкую эрудицию; и с внутренними проблемами научного сообщества, среди которых важнейшими являются изменение этоса учёных и их «эпистемологическое фиаско», выражающееся, в частности, в непонимании того, что простым увеличением финансирования невозможно добиться возвращения к прежним привилегиям. Потеря прежнего благородного имиджа ученых и преподавателей в современных богатых обществах происходит на фоне окончательного разрушения мифологии сциентизма. Подавляющее число представителей научно-образовательных сообществ не соответствуют своему мифологическому образу «самых умных». Новой сциентистской легенды нет, и даже не сформирован социальный заказ на её создание.

Прежний сциентизм представлялся идеологической установкой на признание науки ведущим фактором развития общества. В своих индивидуальных основаниях сциентизм основан на том, что всякий свободный человек, решивший вопрос удовлетворения своих базовых потребностей, обладает любопытством, удовлетворение которого действует на его развитие через положительную обратную связь. На социальном уровне сциентизм фундируется идеей о том, что наука очень важна для общества, поскольку она: а) источник новизны; б) инструмент для повышения качества жизни; в) способ понимания и выстраивания отношений с трансцендентным как тем, что находится за пределами известного. Эти позиции пока ещё удерживают официальный статус науки в мировоззрении человека и идеологии общества, но все быстрее идут процессы переосмысления отношений подсистемы науки, образования с другими подсистемами современного государства. Отталкиваясь от этого, далее рассмотрим причины краха сциентизма в XXI в.

Наука и образование: работа или счастливое проведение высших форм досуга

Для того чтобы разобраться в истоках сциентистской мифологии, обратимся к истории. Зададимся вопросом: чем была и как представлялась научная деятельность в античности. Всех интеллектуалов этого периода разделим на *любомудров*, поставивших перед собой целью наслаждаться интеллектуальной деятельностью, начиная с Пифагора, и *предпринимателей*, которые уже во времена софистов занялись монетизацией мудрости. Оба названные течения сохранились по настоящее время, как и явная и скрытая борьба между ними. Какова мотивация представителей обоих направлений? С предпринимателями различных типов, как их

описывает В. Зомбарт, вопрос понятен: через инновации они пытались добиться увеличения собственного дохода (см.: [Зомбарт, 1994]). С Любомудрами сложнее. Интеллектуальная деятельность воспринималась ими высшей формой проведения досуга, что отчетливо осознавали Сократ и Платон, Аристотель и Эпикур. Чтобы организационно поддержать интеллектуально-духовные практики, Платон обустроивает расположенную близко от Афин рощу, посвященную культурному герою Академу, где он разворачивает Академию как форму коллективной интеллектуальной практики, функционально сопоставимую с научно-учебным центром. По окончании обучения в Академии Платона Аристотель разворачивает деятельность в гимнасии Аполлона Ликейского, где им создается научно-учебный центр – Ликей (см.: [Коллинз, 2002]).

Для интеллектуалов античности процесс напряжения ума, само- и взаимной критики, ощущения коллективного, интересубъектного мышления был ценен сам по себе. Мудрецы античности, их ученики и почитатели занимались интеллектуальными упражнениями как эвдемоническими практиками (др.-греч. εὐδαιμονία – «процветание, блаженство, счастье»), нацеленными на саморазвитие. Это позволяло посредством психофизических и когнитивных усилий достигать высших психофизических состояний, а это и ценилось мудрецами и их окружением. Отсутствие ссылок на уже полученные результаты между разными диалогами Платона обусловлено тем, что диалог для Сократа и Платона был не целью, а формой живой философской практики саморазвития. Каждый диалог – самостоятельное упражнение в поиске добра и истины, не требующее само по себе включения в линейную систему знаний. Разнообразие тематик отражает многообразие путей, которыми душа может упражняться в добродетели, но конечная цель при этом – единая эвдемония, основанная на знании и правильном устроении души. Мудрецы стремились не столько к новым оригинальным знаниям, сколько к удовольствиям, позитивным переживаниям, достигаемым при получении нового знания. Зафиксированные результаты бесед античных философов уместно определять побочным продуктом их мыследеятельности, образующихся в практиках эвдемонии.

Традицией отношения к интеллектуально-духовным практикам как к удовольствию объясняет то, что побуждало тратить значительные силы и время на выбор, формулировку, решение познавательных задач многих состоятельных, имеющих высокий социальный статус людей. Особенно справедливо это в отношении XVII в., когда основания науки формируются такими материально и социально состоятельными любителями, как Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Паскаль, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц и др.⁵ Колоссальные результаты были достигнуты без внешних инвестиций. В своё время Афины – центр греческой цивилизации – содержали только одного мудреца, Сократа, которого казнили. Этого было достаточно. В суде над ним и приговоре присутствовал мотив – он не оправдал доверия.

Аркадий и Борис Стругацкие описали в романе «Понедельник начинается в субботу» большинство сотрудников НИИЧАВО именно как людей, экзистен-

⁵ Отдельным вопросом является то, что являлось первопричиной быстрого подъёма Модерна – развитие науки и распространение знаний или повышение уровня дохода на Западе вследствие Великих географических открытий и последующих колониальных захватов.

циально заинтересованных заниматься своими профессиональными задачами как любимым времяпровождением [Стругацкий, Стругацкий, 2019]. Античная практика любомудрствования как высшей формы досуга присутствует в XX в. основном в научно-фантастических произведениях. Проведем мысленный эксперимент. Поместим ученых из произведений Д. Гранина, И. Ефремова, братьев Стругацких в современный вуз или НИИ. Не почувствуют ли они себя в чужеродной среде!?

Сциентистская мифология с конца XX в. начинает быстро и радикально меняться. Общество воспринимает ученых и преподавателей уже без романтического флера. А внутренний этос научно-преподавательских сообществ становится все менее привлекательным для их участников. На вопрос образованной публики к учёным «чем вы тут занимаетесь?» распространенным ответом будет, особенно со стороны представителей социальных дисциплин: «да так, хреню всякой» (см.: [Донских, Разумов, 2022]). Очевидно, есть причины предположить, что основными могильщиками сциентизма становятся сами ученые, разрушая в глазах общества мифы о науке и о себе.

Политическая теология:

место сциентизма в гражданской религии индустриальных обществ

Государство представляет собой политическую форму состояния народа – того, что после перехода к режиму частной собственности Гегель называет «гражданским обществом». Государство предполагает наличие определенных убеждений большинства – для общества такое мировоззрение представляет форму «гражданской религии». Наука как социальный институт и сциентизм как идеология с XVII в. начинают активно поддерживать и гражданское общество, и гражданскую религию, особенно в их борьбе за эмансипацию от церкви. В ходе нескольких веков такой борьбы в своих основаниях наука и религия все больше сближаются. Они имеют общий объект – трансцендентное, но принципиально разное его понимание. Для церкви трансцендентное – абсолютно и неизменно. Для науки трансцендентное – относительно и изменчиво. При этом церковь допускает изменчивость и различия в понимании трансцендентного, и каждая религиозная организация утверждает свое понимание как истину. Наука как гражданский институт претендует на монополию в производстве и толковании знаний. Она стремится сакрализировать себя в роли единственного проводника в область неизвестного, превращаемого ею в познанное. В идеале гражданская религия становится основой для этоса интеллектуалов, консенсусом для интеллектуальной культуры.

В сциентистском мировоззрении наука – инструмент сакрализации властью областей своих интересов, поскольку ее представители «применяют научный подход». Фраза «это научно обоснованно» приобрела статус обещания надежности для рассматриваемого объекта, а им может быть все что угодно.

Политическая теология – направление, которое появляется на стыке философии и политологии во второй половине прошлого века. Проблему, которая находится в центре исследований учёных, работающих в этой области, можно

определить как легитимность действующего политического режима. Как показывают Э. Фегелин и Дж. Агамбен, такой проблемы не существовало во времена монархий, где короли получали власть «от Бога» и пользовались естественным покровительством церкви (см.: [Фегелин, 2021; Агамбен, 2021]). Уровень сакральности власти в этом случае был таков, что долгое время народ верил в исцеление больных, если их коснётся («наложит руки») и пожелает здоровья король.

Напротив, проблема легитимности возникает в условиях демократических режимов: если властью владеет сам народ, то вряд ли можно считать его избранников, меняющихся каждые четыре – пять лет, сакральными фигурами. Такая проблема, как показывает М. Финли, существовала уже в античности. Особый интерес Финли вызывает то, что у древних греков конфликты вокруг легитимности власти периодически приводили к «стасису» (*stasis*) – гражданским войнам, в то время как у римлян в период Республики такие ситуации в общем не возникали; резкое ожесточение одной части народа против другой произошло во время перехода к солдатским легионам (см.: [Финли, 2025]). Собственно, уже в античности Платон предлагал поставить во главе своего идеального государства философов, но не нашёл понимания у современников.

Ситуация постепенно меняется в эпоху Просвещения. Церковь теряет свои позиции, отступая перед наукой. Особый накал страстей, конечно же, возникает во время Великой французской революции, где Робеспьер наивно и грубо учреждает культ Верховного существа, предлагая народу новую, гражданскую религию. С этим культом, как и с самим Робеспьером, французы покончили довольно быстро, однако полной реставрации католической церкви так и не произошло. На протяжении всего периода XIX–XXI вв. количество верующих сокращалось: закрывались монастыри, церкви превращались в музеи.

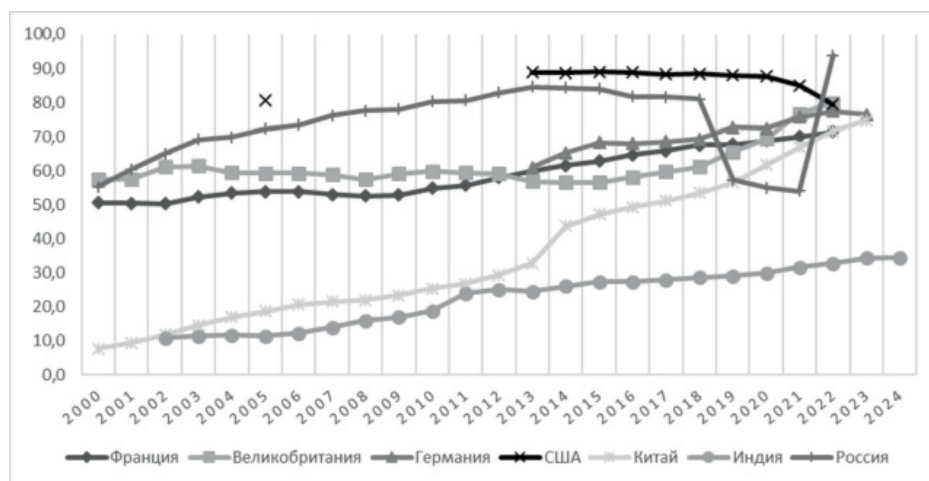
Стоит также отметить, что во время Просвещения эпоха религиозных конфликтов, которая имела место ещё в XVII в., во времена Английской революции, уходит в прошлое. Новые войны между демократическими государствами так или иначе ведутся вокруг «национальных интересов», осознать которые политикам помогают учёные. Оптимистическая вера в науку, которая постепенно легитимируется и становится сердцевинной новой гражданской религии, складывается во второй половине XIX в. Вместе с второй волной позитивизма появляется и вера в «факт»: то обстоятельство, что этимология этого слова (от лат. *factum* – сделанный, свершившийся) постепенно теряется, и «факты» становятся синонимом «объективности»: того, что не зависит ни от индивидуального, ни от общественного сознания. В этом отношении будет не очень большой натяжкой сказать, что факты предоставляются сциентистскому сознанию Богом, занимая его место. В философии и методологии науки «факт» определяется обобщением данных опыта, полученных в ходе доказательства/ опровержения определенной гипотезы. Освобождаясь от такого представления, вне своего контекста факты теряют смысл.

Сциентизм ярко проявляется во время Великой Октябрьской социалистической революции, деятели которой искренне верили в то, что они действуют «на научной основе». Далее «на научной основе» строился социализм в СССР, и также «на научной основе» он критиковался западными экономистами, социологами и советологами. Реформы Рузвельта, «Великое общество» Л. Джонсона, неолибе-

рализм М. Тэтчер и Р. Рейгана – всё это тоже во многом было результатом работы исследователей, работавших в социальных дисциплинах. В свою очередь, крах СССР рассматривался не как крушение сциентизма, но победа *мировой, западной* науки, достижения которой предстояло нам освоить, чтобы, наконец, войти в общество «цивилизованных стран». С. Фурман в 1990-е гг. показал сходство коммунизма и устройства КПСС с религией и церковной организацией – и это уже никем не оспаривалось (см.: [Фурман, 2011]).

Нельзя сказать, что в постсоветской России научное сообщество не осознавало потребности в новой гражданской религии: призывы к разработке общей, объединяющей народ идеологии достаточно часто (из 1990-х остался синкретический анекдот: «Идёт Будда на Голгофу, тащит крест и кричит: “Аллах акбар”!»). Провал этих попыток, в конце концов, стал основной причиной не только возрождения, но и резкого усиления клерикализма и возврата к традиционным ценностям. Механизм кризиса сциентизма в России и на Западе имеет различные исторические траектории, что обостряет современный геополитический конфликт.

Общим, однако, является переход к массовому высшему образованию и потеря университетами своей роли социального фильтра для будущей элиты.

Валовой коэффициент охвата населения высшим образованием, %
Gross enrollment ratio in higher education, %
(Цит. по: [Ореховский, Кислицына, 2025])⁶

⁶ Для определения значения валового коэффициента охвата высшим образованием общее число учащихся в высших учебных заведениях, независимо от возраста, выражается в процентах от общей численности населения пятилетней возрастной группы после окончания школы. Самый высокий валовой коэффициент охвата высшим образованием в России (93,7 %). Затем следуют США (79,4 %), Великобритания (79,7 %), Германия (76,3 %), Франция (71,4 %). Значительных успехов добился Китай, увеличив валовой коэффициент охвата высшим образованием с 7,6 % в 2000 г. до 74,6 % в 2023 г. Индия значительно отстает от лидеров. Парадоксально, что в Индии растет доля выпускников с высшим образованием, но при этом страна еще борется со значительным уровнем неграмотности. Пренебрежение Индией обязательным начальным образованием оставило большую часть ее населения в ловушке низкопроизводительного сельского хозяйства [Ореховский, Кислицына, 2025, с. 21].

Что ещё отличает «учёного» от «специалиста» кроме того, что у него есть документы, подтверждающее полученное образование и степень? Раньше учёный обладал значительно более широкой эрудицией. Окончание вуза не означало окончание периода ученичества, а последний включал не только работу под руководством профессора, но и освоение достаточно большого объёма «библиотечного фонда», перевод зарубежных работ по изучаемой теме. Время, которое мог выделить на чтение новинок специалист, было существенно меньше. Но в современных условиях, когда гаджеты обеспечивают доступ к необходимой новой информации в любой момент, личная эрудиция сильно обесценилась. Таким образом, это различие исчезло. Что осталось? Поскольку раньше учёных было мало, их жалование, установленное государством, по большей части было выше, чем у специалистов в частном секторе. Но теперь наоборот – специалисты в частном секторе имеют более высокие доходы, чем учёные в государственных НИИ и университетах. В соответствии с экономическим подходом последнее означает, что труд специалистов общество оценивает более высоко, чем труд учёных. Более того, специалисты в любой момент могут сказать, что они «кормят» учёных, так как финансирование НИИ осуществляется за счёт бюджета, в который специалисты платят налоги.

Ничто так не подрывает респектабельность социального статуса какой-либо группы, как низкая оплата труда, высокий средний возраст участников и возможность замены части членов этой группы искусственным интеллектом (гаджетами). В результате позиция учёных как «обладателей истины» и главных авторитетов новой гражданской религии утрачивается полностью. Если ранее политики постоянно вступали в диалог с учёными, которые не «обслуживали власть», а *сами были властью*, то в XXI в. возникают характерные нарративы о «социальном заказе» на подготовку специалистов, НИР и НИОКР, а также жалобы учёных на то, что бизнес и власть их не слышат. Но *так и должно быть* – уже в 2000-е годы в России многие губернаторы и депутаты стали обладателями учёных степеней, а министры федерального и региональных правительств – деканами и почётными профессорами университетов. И на Западе, и в России наука стала «сервисным сектором». Но если принять эту логику, то авторитет учёных ничем не отличается от авторитета заслуженных артистов или выдающихся спортсменов, не говоря уже о действующих политиках, что и подтверждается сегодняшними ток-шоу.

Утрата власти и статуса учёными во всех странах – и особенно в России – постоянно сопровождается ритуальными заклинаниями о важности науки и образования. Начальство и обычные граждане продолжают ждать от учёных различных, иногда опасных, чудес. В XXI в. какое-то время в качестве таковых выступали нанотехнологии, клонирование и геновая инженерия, теперь у всех на языке искусственный интеллект (ИИ). Формально ничего не поменялось – продолжает свою деятельность и Российская академия наук, и Министерство образования и науки, и Всероссийская аттестационная комиссия, наряду с университетами проверяющая и утверждающая результаты диссертационных работ. Но если учёные обладали властью, а теперь она ими утрачена, то почему учёные её отдали?

Этос учёных: от «носителей истины» к «производителям публикаций» и «трансляторам учебников»

Как указывают Н. Флигстин и Д. Макадам, «мы стремились показать, что рассматриваем случившийся примерно 45–50 тысяч лет назад культурный “взрыв” как момент появления по-настоящему современных людей, которые, казалось бы, внезапно обрели способность и *потребность* в осмыслении происходящего, обобщенно называемую нами “экзистенциальной функцией социального”. С тех пор физическое выживание, или материальная функция социального, перестало быть единственным делом людей. Отныне на них будут одновременно влиять экзистенциальное и материальное» [Флигстин, Макадам, 2022, с. 408]. Долгое время осмысление экзистенциального происходило в религиозной форме – и на протяжении истории человечества можно было наблюдать как подъём, так и упадок различных религий. Последнее сопровождалось как отступлением от главных принципов (табу и заповедей), так и превращением ритуалов, которые раньше позволяли различать «своих» и «чужих», в пустую форму. Достаточно было произнести определённые звуки, сделать определённые жесты, как человек в период такого упадка автоматически становился адептом избранного им культа.

Во времена доминирования религий занятия наукой периодически становились *опасными*. Эмансипация науки означает освобождение от контроля религии, однако долгое время все дисциплины так или иначе развивались вместе с философией. В свою очередь, относительно недавняя эмансипация большинства научных направлений от философии приводит к фрагментации исследований, так что встаёт вопрос о том, где проходит грань между наукой и остальными сферами социальной деятельности людей. Ответы на этот вопрос постоянно оспариваются, поэтому социальная эволюция, требовавшая сравнительно чёткого позиционирования групп в структуре общества, пошла по другому пути. Так, понятно, что в эпоху индустриального общества любая деятельность большого масштаба требует норм и стандартов. Это относится, естественно, не только к промышленности и аграрному производству, но и к здравоохранению, науке и образованию. В первой половине XX в. в большинстве университетов ещё сохранялись «авторские курсы», и студенты–философы, учившиеся у Б. Рассела и А. Уайтхеда, волею судеб попавшие в аудиторию к М. Хайдеггеру, вряд ли бы удивились разнице в подаче материала (более того, часто за этим и ездили). Во второй половине XX в. стандартизация курсов приводит к формированию Болонской системы: ориентация на количество стандартных академических единиц (кредитов) делает курсы в разных университетах взаимозаменяемыми. По мнению руководства, это способствует мобильности студентов и преподавателей в процессах межвузовской коммуникации и академических обменов.

В СССР стандартизация и чтение курсов по одинаковым «базовым» учебникам в условиях «культурной революции» сначала была необходимостью в силу острейшего дефицита кадров, а впоследствии стала правилом, позволявшим, с одной стороны, экономить интеллектуальные усилия, с другой – облегчать административный централизованный контроль за «качеством образования». В постсоветской России после краха коммунистической идеологии последо-

вала ликвидация программ марксистских политэкономии и философии, научного коммунизма и истории КПСС. Поэтому сначала возникла академическая «вольница», которая достаточно быстро сменилась привычной стандартизацией под руководством профильных УМО. В связи с этим, по-видимому, Министерство науки и образования РФ не видит особой проблемы в сокращении численности преподавателей ряда точных и социальных дисциплин: предполагается, что, наряду с наличием базовых учебников, изучаемых студентами самостоятельно, дефицит профессоров можно сравнительно безболезненно ликвидировать с помощью записей видеолекций наиболее известных преподавателей и учёных. Сложнее с инженерами и естествоиспытателями – лабораторные работы требуют отчасти «ремесленного» искусства. Но именно эти направления, как следует из заявлений политического руководства страны, начальство и собирается в основном поддерживать.

Почему учёные согласились с тем, что их труд является рутинной, стандартизированной деятельностью? Этот вопрос провоцирует, естественно, негативный ответ: преподавание и педагогика считаются творческими занятиями, а профессора – часть креативного класса, если верить Р. Флориде (см.: [Флорида, 2011]). Однако если убрать пафос, то борьба за право написать и издать базовый учебник – часть габитуса многих учёных. И это связано не только и не столько с корыстными мотивами, но, что гораздо важнее, с борьбой за право на авторитетный дискурс. В этом отношении российский опыт подтверждает правоту П. Бурдьё: поле российской науки и образования всё время стремится к иерархии (см.: [Бурдьё, 2018]). Наличие иерархии федеральных, исследовательских, опорных и прочих университетов даёт такому стремлению внешнюю, официальную легитимность. Да и для чего нужны УМО? В первую очередь именно затем, чтобы на коллегиальной основе закрепить образовательные стандарты.

Внедрение рутинизированных практик в образование – достаточно прозрачный и очевидный процесс. Переход от семестров к модулям, расписание, обратная связь «преподаватель глазами студента» и многое другое позволяет превратить университет в чётко и жёстко функционирующую индустриальную организацию, целью которой является производство людей с дипломами, причём как на заводе – чем больше, тем лучше. Однако наука, казалось бы, является деятельностью, не подчиняющейся стандартным процедурам. Кто-то делает открытия спустя всего лишь год–два после начала трудов над своей проблемой, кому-то для этого требуется двадцать лет. До определённой степени можно было стандартизировать только процесс подготовки и защиты диссертаций, после которой большая часть обладателей степеней опять-таки направлялась на работу в вузы.

Казалось бы, результаты деятельности учёных даже в одной и той же научной дисциплине нельзя сравнивать – они качественно несопоставимы. Описание количественного эксперимента нельзя сравнивать с построением теоретической, вербальной или математической модели, а последнее радикально отличается от ретроспективного анализа результатов исследований. И тем не менее в XXI веке у начальства появляется инструмент такого сравнения – наукометрия. Раньше отсутствие электронных копий текстов и, соответственно, систем управления базами данных делало вычисление количества ссылок и построение индекса Хирша

крайне трудоёмким занятием. Наукометрия охватывала сравнительно небольшой круг работ и имён учёных и действительно выполняла роль вспомогательного, справочного инструмента в оценке результатов НИР. Но по мере информатизации она стала охватывать весь спектр результатов гражданской науки, тем самым формируя иерархию учёных и их работ через соответствующие рейтинги. Часть научного сообщества какое-то время вяло протестовала, но большинство достаточно быстро включилось в игру «отращивания Хирша» и производства всё новых и новых публикаций (см.: [Рубинштейн, 2016]). Руководство некоторых университетов, равно как и академических институтов, сделало показатель количества публикаций частью эффективного контракта, при этом, естественно, статьи нужно было отдавать не абы куда, а в престижные журналы с высоким импакт-фактором. В результате во всех научных дисциплинах появились свои «передовики производства», а журналы стали неявно рекомендовать авторам нормы по количеству цитат и источников.

Таким образом, этос профессоров и учёных в XXI в. сильно изменился. Если раньше эта социальная группа во многом примыкала по своему режиму и стилю работы к лицам свободных профессий, то теперь это обычные наёмные работники. Отличия от специалистов, трудящихся в банках, заводских лабораториях или занятых организациями логистики или производством рекламы, практически исчезли, если не считать сравнительно низкой, но стабильной бюджетной зарплаты.

Однако не это ли происходило в своё время и с институтом религии? Упадок сопровождался ростом численности священников, которые произносили проповеди, в которые уже сами не верили, а заодно увеличением производства текстов, которые можно было бы разделить на «мейнстрим» и «ересь». Шла острая борьба за популярность, чтобы получить лучшую кафедру или богатый приход. Тем не менее, религии переживали не только упадок, но и новое рождение. С некоторой долей оптимизма можно предположить, что это – всего лишь первый серьёзный кризис сциентизма и института науки, после которого спустя какое-то время наступит некий ренессанс.

«Аннушка уже пролила масло»

Конец сциентизма стал очевиден вместе с подъёмом «постправды» – как показывает С. Фуллер, этим термином маститые учёные, которым казалось, что они установили свою монополию на истину и, соответственно, на авторитетный дискурс, клеймят своих оппонентов, предлагающих альтернативные варианты интерпретации фактов и событий (см.: [Фуллер, 2021]). Социальные дисциплины, включая историю и философию, всегда были таким «полем боя», но во время пандемии COVID-19 выяснилось, что и прежняя иерархия авторитетов в медицине тоже вызывает большие сомнения у образованной публики. Причём в данном случае побочные последствия прививок периодически начинают оформляться в юридические иски.

Дальше – больше. Пресловутое посещение гражданами США Луны в 1969 г. в ходе миссии «Аполлона-11» давно уже стало притчей во языцех. Является ли президент самой богатой и могущественной страны в своём уме или находится

в состоянии деменции? А если на выборах за него голосовали покойники ⁷, то насколько легитимна такая демократия? Образованные граждане задают всё больше вопросов. Прежние конвенциональные истины стремительно разрушаются.

Но проблема даже не в этом. В одной из старых статей экономист М. Фридман утверждал, что реалистичность посылок модели не так уж важна, главное, чтобы она предоставляла хорошие прогностические результаты (см.: [Фридман, 2012]). Учёные видят то, что они теряют власть и авторитет, что доходы их отрасли сокращаются. Логично предположить, что они должны были бы обсуждать причины этого явления, определить сценарии дальнейшего хода событий и предложить план совместных действий по сохранению своего влияния и привилегированного социального статуса. Однако всё, на что способна коллективная научная мысль, – это выдвижение требований «наверх» об увеличении финансирования. К сожалению, такими мерами невозможно вернуть сциентизм к жизни.

Если предположить, что учёные теперь ничем особо не отличаются от специалистов (экспертов), то механизм лоббирования их интересов тоже не может сильно отличаться от уже известного и описанного образа действия других социальных групп. Для учёного сословия в целом требуется повышение боевитости их профсоюза, но в остальном исследователи и профессора, принадлежащие различным дисциплинам, будут действовать (и уже действуют) в составе соответствующих отраслевых групп. Так, интересы медиков и аграрников непосредственно замыкаются на профильные министерства и крупный бизнес. Но то же самое распространяется и на другие дисциплины. Сложнее всего, по-видимому, будет представителям социальных наук – если их требования к начальству будут подкрепляться угрозой сокращения соответствующего количества публикаций, это вызовет сильное удивление всех участников процесса.

Если обратиться к эпистемологии, то учёные представляют собой группу, которая может предсказать судьбу кого и чего угодно, но только не самих себя. Наряду с изменением этоса, которое уже привело к внутреннему расколу поля науки, это приводит к неутешительным выводам: прощание со сциентизмом неизбежно. Учёные могут добиться относительного повышения своих доходов, но утрата ими статуса носителей истины, честности и благородства – это надолго, если не навсегда.

История с наукометрией очень показательна – законы развития науки человечеству неизвестны, и что тогда демонстрирует попытка измерения научных результатов? В своё время математики фактически отказались создать строгое обоснование своей дисциплины, особенно после того как полученные К. Геделем теоремы поставили под сомнение попытку организовать математическое знание как одну аксиоматико-дедуктивную мегатеорию (см.: [Манин, 1979, с. 64–70]). Прогнозирование научного движения даже в отдельных, казалось бы, наиболее разработанных дисциплинах, остаётся областью высоких рисков. Поэтому и мы воздержимся от попыток разработки рекомендаций, хотя философия, конечно, позволяет выстроить традиционный ряд тезис – антитезис – синтез с по-

⁷ СМИ: в Нью-Йорке выявили случаи голосования «мертвых душ» на выборах (04.11.2020). Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9909463> (дата обращения 12.01.2026).

следующим появлением «новых учёных», располагающих неординарными психофизическими возможностями, о которых мечтали в античности.

Вместо заключения

Конец сциентизма напрямую связан кризисом теории модернизации, о котором мы уже писали (см.: [Ореховский, Разумов, 2025]). С позиций политической философии это означает кризис легитимности для всех государств, где сциентизм играет роль гражданской религии и которые пытаются решить свои острые демографические проблемы с помощью привлечения мигрантов и, видимо, в ближайшем будущем – получения детей «из пробирки». Обращение к традиционным ценностям в таком случае выглядит естественным выходом. Однако здесь возникают новые проблемы – во всех мировых религиях есть свои ревизионисты, где условные «правые» требуют радикализации, возврата к жёстким ритуалам и исключения «чужих», а условные «левые», выступающие за обновление «на научной основе», в пределе готовы растворить свою религию в экуменизме и «общечеловеческих ценностях». И эти вызовы, по-видимому, будут со временем только обостряться.

Что же до широкого научного сообщества, то, несмотря на то что процесс разложения уже замечен, но до настоящего кризиса ещё очень далеко. История «зелёной энергетики» ещё далеко не закончена, да и в России недавно опять заговорили о повороте рек⁸. Экология – один из общественных «нервов», и провалы в этой сфере существенно увеличивают счёт общества, предъявляемый к учёным. С большой вероятностью такая же ситуация скоро возникнет вокруг пузыря искусственного интеллекта – пока большие лингвистические модели выдают свои рекомендации на основе наиболее часто встречающихся нарративов, тиражируя посредственность. Воспроизводство научных кадров на основе прямого плагиата в своё время в России было, конечно, приостановлено «Диссернетом», однако куда большую роль в снижении количества защит сыграла потеря престижности учёных званий.

Если проводить аналогии, с членами РАН и сообществом ректоров под руководством Минобрнауки должно произойти, с поправкой на время и масштаб, нечто подобное тому, что в 1980-е гг. имело место в отношении ЦК КПСС – утрата доверия со стороны общества к результатам научно-образовательной деятельности. При этом, учитывая текущие пиар-акции и обещанное увеличение финансирования со стороны исполнительной власти, процесс этот будет нелинейным и относительно медленным. Одновременно с этим, как это можно заметить уже сейчас, в рамках сообщества формируются свои кружки и закрытые «клубы», где размер Хирша и публикационная активность не будут иметь какого-либо значения для получения авторитета. Это – тоже медленный процесс, в ходе которого должен возникнуть этос новых учёных. По-видимому, это коснётся прежде всего сферы фундаментальных дисциплин. «Прикладников» ждёт успешная карьера в бизнесе – и если не озаботиться созданием условий для них, то этот бизнес ста-

⁸ Отбор воды из северных рек на юг России будет полезен, считает ученый (24.11.2025). *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20251124/reki-2057028707.html> (дата обращения 12.01.2026).

нет, конечно же, зарубежным. Но что касается представителей точных, а заодно и примыкающих к ним учёных из «протиестественных» наук (по крылатому выражению Л. Ландау), то – и это особенно неприятно – Запад нам не поможет. Придётся как-то думать самим.

Список литературы

- Агамбен Дж.** Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Бурдые П.** Homo academicus. М.: Изд-во Ин. Гайдара, 2018.
- Донских О. А., Разумов В. И.** РПД-логия и совершенствование образования в XXI в. // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12. № 1. С. 168–174.
- Зомбарт В.** Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.
- Инглхарт Р.** Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
- Инглхарт Р.** Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022.
- Коллинз Р.** Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002.
- Манин Ю. И.** Доказуемое и недоказуемое. М.: Сов. радио, 1979.
- Ореховский П. А., Кислицына О. А.** Неравенство, элиты и контрэлиты (проверка некоторых положений структурно-динамической теории) // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 5–34.
- Ореховский П. А., Разумов В. И.** Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром // AlterEconomics. 2025. № 1. С. 40–53.
- Рубинштейн А. Я.** Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цифры»? // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2016. № 2 (30). С. 162–175.
- Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.** Понедельник начинается в субботу: повесть-сказка. М.: АСТ, 2019.
- Фегелин Э.** Новая наука политики. Введение. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Финли М.** Политика в античном мире. СПб.: Владимир Даль, 2025.
- Флигстин Н., Макадам Д.** Теория полей. М.: Высш. шк. экономики, 2022.
- Флорида Р.** Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2011.
- Фридман М.** Методология позитивной экономической науки // Философия экономики / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 177–216.
- Фуллер С.** Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Высш. шк. экономики, 2021.
- Фурман Д. Е.** Сталин и мы с религиозоведческой точки зрения // Фурман Д.Е. Избранное. М.: Территория будущего, 2011. С. 262–298.
- Taylor M.** The Politics of Innovation: Why Some Countries Are Better Than Others at Science and Technology. Oxford University Press, 2016.

References

- Agamben J.** Stasis. The Civil War as a political paradigm. Saint Petersburg: Vladimir Dahl, 2021. (in Russian)
- Bourdieu P.** Homo academicus. Moscow: Gaidar Institute Publishing, 2018. (in Russian)
- Collins R.** Sociology of philosophies: A global theory of intellectual change Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2002. (in Russian.)
- Donskikh O. A., Razumov V. I.** Philosophy and improvement of education in the 21st century // Professional education in the modern world. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 168–174. (in Russian)
- Fegelin E.** The New Science of Politics. Introduction. Saint Petersburg: Vladimir Dahl, 2021. (in Russian)
- Finley M.** Politics in the Ancient World. Saint Petersburg: Vladimir Dahl, 2025. (in Russian)
- Fligstin N., McAdam D.** Theory of fields. Moscow: Higher School of Economics, 2022. (in Russian)
- Florida R.** Creative class: people who change the future. Moscow: Classics XXI, 2011. (in Russian)
- Friedman M.** Methodology of positive economics // Philosophy of Economics / Ed. by D. Housman. Moscow: Gaidar Institute Publishing, 2012. P. 177–216. (in Russian)
- Fuller S.** Post-Truth: Knowledge as a struggle for power. Moscow: Higher School of Economics, 2021. (in Russian)
- Furman D. E.** Stalin and us from a religious point of view // Furman D.E. Selected Works. Moscow: Territoriya Budushchego, 2011. P. 262–298. (in Russian)
- Inglehart R.** Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world. Moscow: Mysl, 2018. (in Russian)
- Inglehart R.** The unexpected decline of religiosity in developed countries. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2022. (in Russian.)
- Manin Yu. I.** Provable and unprovable. Moscow: Soviet Radio, 1979. (in Russian)
- Orekhovsky P. A., Kislitsyna O. A.** Inequality, elites and counter-elites (verification of some provisions of the structural-dynamic theory) // Federalism. 2025. Vol. 30. № 2 (118). P. 5–34. (in Russian)
- Orekhovsky P. A., Razumov V. I.** The economic theory of the «blackboard»: between reality and simulacrum // AlterEconomics. 2025. No. 1. P. 40–53. (in Russian)
- Rubinstein A. Ya.** Ranking of Russian economic journals: A scientific method or a «game of chicken»? // NEA Journal. 2016. No. 2 (30). P. 162–175. (in Russian)
- Sombart V.** Bourgeois: Studies on the history of the spiritual development of a modern economic person. Moscow: Nauka, 1994. (in Russian)
- Strugatsky A. N., Strugatsky B. N.** Monday begins on Saturday: A telltale. Moscow: AST, 2019. (in Russian)
- Taylor M.** The Politics of Innovation: Why Some Countries Are Better Than Others at Science and Technology. Oxford University Press, 2016.

Информация об авторах

Петр Александрович Ореховский, доктор экономических наук, профессор, заведующий, сектор философии и методологии экономической науки, Институт экономики РАН

Владимир Ильич Разумов, доктор философских наук, профессор профессор, кафедра теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Information about the Authors

Petr A. Orekhovsky, Doctor of Sciences (Economics), Professor
Head, Sector of Philosophy and Methodology of Economic Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Vladimir I. Razumov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Professor, Department of Theology, Philosophy, and Cultural Studies, Omsk State University

*Статья поступила в редколлегию 15.01.2026;
одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.*

*The article was submitted 15.01.2026;
approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 22.01.2026*